

Лоу Цзяянь хотел было сказать ещё несколько язвительных слов, но в этот момент Лоу Ичжи с блюдом в руках приблизился к обеденному столу, и молодой господин благоразумно прикусил язык.

Но Лоу Ичжи слишком хорошо знал скверный характер своего младшего брата. Поставив блюдо на стол, он холодно бросил на него взгляд и предупредил:

— Убери свою привычку болтать лишнее. Не смей обижать людей, пока меня нет, иначе узнаешь, каково это.

Лоу Цзяянь слащаво улыбнулся ему, притворно обиженно моргнув:

— Я никого не обижаю.

— Лучше бы не обижал.

Лоу Ичжи развернулся и вернулся на кухню продолжать готовку.

— Брат! Принеси мне палочки!

Лоу Ичжи был уже до смерти им измотан, но всё же не мог не выполнить просьбу родного брата, подав ему палочки, и заодно передал пару Чу Юаню.

Обращаясь к брату, он хмуро бросил:

— Рук нет, что ли, чтобы самому взять?

Затем повернулся к Чу Юаню с мягкой улыбкой:

— Если голоден, можешь сначала попробовать это блюдо, остальное скоро будет готово.

Лоу Цзяянь уже не думал о том, чтобы досаждать Чу Юаню, и сконцентрировался на еде, с блаженным, самозабвенным выражением лица. Чу Юань молча сжимал палочки, но, несмотря на то, что перед ним было любимое блюдо, приготовленное его кумиром, он никак не мог заставить себя есть.

Он не испытывал радости от контраста в отношении Лоу Ичжи к нему и к Лоу Цзяяню. Напротив, он снова ясно и чётко осознал — для Лоу Ичжи он в конечном счёте всего лишь чужой.

Поскольку он чужой, с ним обращаются вежливо и мягко; только с действительно близкими людьми проявляются самые искренние эмоции. Хотя отношение Лоу Ичжи к собственному брату вряд ли можно назвать избалованным или нежным, но эти упрёки и наставления разве не являются моделью общения, присущей именно настоящим родственникам?

Чу Юань молча смотрел на Лоу Цзяяня, поглощённого едой, и чувствовал, как ревность, словно зверь, грызёт его сердце, увлекая в бездонную пропасть.

Вскоре Лоу Ичжи принёс ещё два блюда и сразу же заметил, что от первого поданного блюда осталось лишь донышко тарелки.

— Лоу Цзяянь! — С досадой он ухватил брата за ухо. — Ты что, голодный дух, переродившийся в этом мире?

— Я правда голоден! — Лоу Цзянь обхватил руку брата, умоляя о пощаде.

— Чу Юань и я ещё ни кусочка не попробовали! Как тебе не стыдно, а?!

— Я оставил тебе, брат! — Лоу Цзянь, словно драгоценность, протянул последние несколько кусочков свиных рёбрышек. — И твою любимую часть!

Лоу Ичжи какое-то время смотрел на него, стиснув зубы, совершенно не зная, что делать с этим наказанием. Он выхватил последние рёбрышки и положил их все в чашку Чу Юаня, затем с холодным лицом отчитал брата:

— Остальные блюда ешь поменьше.

— Не надо! — жалобно сказал Лоу Цзянь. — Брат, я знаю, что виноват, но я правда не смог сдержаться!

Он принялся изливать душу:

— Ты даже не представляешь, как я жил эти полгода! Английская еда несъедобна! У меня не было денег ходить в хорошие китайские рестораны, я постоянно недоедал, я правда думал, что не выживу!

— Сам виноват.

Лоу Ичжи положил немного еды Чу Юаню, затем с усмешкой сказал Лоу Цзяню:

— Сам захотел упрячиться со старшим братом, а он не такой мягкий и уступчивый, как я. У него полно способов проучить тебя.

Лоу Цзяню хотелось плакать.

— Брат, поговори со старшим братом, скажи ему что-нибудь хорошее...

— Сам иди.

— Брат...

— ...

— Брат... QAQ

— ...

— Брат... п^п

Лоу Ичжи сдался и вздохнул.

— Давай сначала поедим.

— Хорошо!

Хотя диалог между братьями был насыщен остротой, в нём также присутствовала близость, в которую посторонним не вмешаться. Чу Юань тихо ел, словно забытый прохожий.

После ужина, из-за внезапного возвращения младшего брата, Лоу Ичжи не смог выполнить

своё обещание отвести Чу Юаня погулять. Хотя Чу Юань с лёгкой улыбкой заверил, что не против, Лоу Ичжи всё равно испытывал чувство вины.

— Сегодня днём мы продолжим репетировать сцены дома, в следующий раз обязательно свожу тебя куда-нибудь.

— Хорошо, ничего страшного.

Чу Юань послушно и спокойно кивнул.

— А зачем вам репетировать дома? Разве этим не стоит заниматься в студии?

Лоу Цзяянь, наевшись, развалился на диване, совершенно не заботясь о том, как выглядит.

— Взрослые разговаривают, дети не встывают.

Лоу Ичжи фыркнул.

— Эй! Я уже совершеннолетний!

Лоу Ичжи больше не обращал внимания на бунтующего брата. Он открыл сценарий, указал на определённый отрывок и мягко спросил Чу Юана:

— Ты уже выучил реплики для этой сцены? Давай сейчас сыграем?

Чу Юань украдкой взглянул на Лоу Цзяяня. Ему было неловко играть перед тем, кто только что назвал его бездарностью, но он, стиснув зубы, кивнул.

Услышав это, Лоу Цзяянь с интересом выпрямился.

— Вы будете играть? Дайте посмотреть, дайте посмотреть.

Чу Юань надеялся, что Лоу Ичжи попросит Лоу Цзяяня удалиться, чтобы не мешать им, но тот, к его удивлению, согласился с просьбой брата:

— Можешь смотреть тихо. Если издашь хоть звук, вышвырну тебя отсюда.

Чу Юань тут же занервничал, не зная, куда деть руки.

Лоу Ичжи с первого взгляда понял его беспокойство. Он положил руку на плечо Чу Юаня, крепко сжал и сказал твёрдым, но мягким тоном:

— После начала съёмок тебе придётся играть перед всей съёмочной группой. Неужели ты боишься уже сейчас, когда зритель всего один?

Чу Юань слегка опешил, затем его взгляд постепенно стал твёрже, и он глухо произнёс:

— Не боюсь.

— Отлично.

Лоу Ичжи ободряюще потрепал его по голове.

Сцена, которую выбрал Лоу Ичжи, была моментом кульминации конфликта между главным героем Ли Цюши и его наставником Лин Бушанем.

Хотя Ли Цюши стал учеником Лина Бушаня и научился у него высшему искусству меча, он так и не смог принять жестокие методы этого мастера. Наконец, после того как Лин Бушань вырезал целую деревню, заражённую трупным ядом, Ли Цюши не выдержал.

В воздухе витал густой, едкий запах крови. Повсюду валялись трупы, почва была пропитана кровью до такой степени, что при каждом шаге сочилась кровавая жижа.

Ли Цюши стоял в оцепенении, его взгляд залился багровым, рука, сжимающая меч, начала дрожать, плечи будто согнулись под непосильной тяжестью.

Рядом с ним стоял мужчина с нетерпеливым выражением лица, которому было совершенно лень смотреть на эту кровавую бойню. Он лениво поторопил:

— Что смотреть на мёртвых? Пора идти.

Ли Цюши резко обернулся, яростно уставился на него и с недоверием переспросил:

— Наставник... это всё сделали вы?

— Да.

Лин Бушань слегка нахмурился. Он был недоволен тоном, каким ученик задал вопрос, и раздражённо сказал:

— Всего-то несколько человек погибло, зачем ты строишь такую рожу, будто у тебя родители умерли? Отвратительно.

Ли Цюши сжал кулаки так, что кости затрещали, даже не замечая, как ногти впиваются в ладони. Его глаза налились кровью.

— Лин Бушань, это же несколько сотен жизней!

Взгляд Лина Бушаня резко стал холодным. Он усмехнулся и парировал:

— Осмелился назвать меня по имени? Кажется, я слишком тебя избаловал?

Ли Цюши лишь с глубокой скорбью пробормотал:

— Несколько сотен жизней...

Лин Бушань терпеть не мог его слабохарактерный, беспомощный вид. Он сжал его подбородок, заставив смотреть на себя, и отчеканил:

— Ли Цюши, тебе лучше не злить меня. Все жители этой деревни заражены трупным ядом, они всё равно долго не проживут. Если позволить им влачить жалкое существование, они подвергнут опасности жителей других мест. В чём я ошибся?

— Трупный яд не неизлечим.

Проговорил сквозь зубы Ли Цюши.

— Мы могли бы их спасти!

Лин Бушань холодно усмехнулся.

— Ты думаешь, у нас ещё много времени, чтобы тратить его впустую в этом месте? Враги уже почти на пороге, а ты хочешь заниматься здесь врачеванием и спасением людей?

— Но...

— Никаких «но».

Лин Бушань нетерпеливо прервал его.

— Нам нужно немедленно покинуть это место. Чем оставлять их здесь умирать медленной смертью, лучше уж я покончу с ними.

Ли Цюши долго молчал, опустив голову, затем на его лице вдруг отразилась усталость, и он тихо горько усмехнулся:

— Наставник, наши подходы к действиям небо и земля, нам не стоило становиться учителем и учеником.

Увидев это, Лин Бушань разъярился ещё больше, отмахнулся рукавом и холодно отчитал:

— Хм! Только сейчас пожалел, что стал моим учеником? Поздно! Твой характер рано или поздно тебя погубит!

Ли Цюши опустил взгляд и молчал.

— Я ухожу. Если сможешь, оставайся в этом проклятом месте, когда умрёшь, никто тебя хоронить не станет.

Лин Бушань с ненавистью развернулся и ушёл.

<http://bllate.org/book/15605/1393094>